

О.В. Кузнецова^{1,2}

¹ ФИЦ «Информатика и управление» РАН,

² РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В 2020 Г.

Аннотация

Оценка дифференциации российских регионов по динамике их социально-экономических показателей в 2020 г. показала, что общие закономерности и факторы пространственного развития в коронавирусный кризис, несмотря на всю его специфику, оказались вполне типичными для всех экономических кризисов. В соответствии со сложившимися в рамках концепции региональной шокоустойчивости представлениями, формированию относительно благоприятной ситуации в регионах, и прежде всего в Москве, способствовала высокая степень диверсификации их экономики, инновационный ее характер, высокое качество человеческого капитала, занятость в бюджетном секторе и штаб-квартирах компаний, принятые в докризисный период решения по поддержке инвесторов, наличие бюджетных ресурсов для реализации антикризисной политики; проявились традиционные для кризисов различия между регионами-производителями товаров повседневного спроса и длительного пользования. В отличие от предшествующих кризисов в числе наиболее пострадавших в 2020 г. регионов оказались специализирующиеся на добыче топливно-энергетических ресурсов из-за существенного сокращения спроса на них. Отдельное внимание уделяется проблемам российской статистики: запаздыванию данных по ВРП (в статье в качестве альтернативы используются данные по поступлениям налога на доходы физических лиц по видам экономической деятельности), значимому пересчету данных Росстатом в текущий кризис, отсутствию точных оценок объемов приписываемых Москве результатов экономической деятельности.

Ключевые слова: экономический кризис, COVID-19, региональная шокоустойчивость, типы регионов, крупнейшие города.

O.V. Kuznetsova^{1,2}

¹ Federal Research Center "Informatics and Control" RAS,

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF REGIONAL RESILIENCE AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS IN 2020

Abstract

An assessment of the differentiation of Russian regions by the dynamics of their socio-economic indicators in 2020 showed that the general patterns and factors of spatial development in the coronavirus crisis, despite all its specifics, turned out to be quite typical for all economic crises. In accordance with the ideas developed within the framework of the regional resilience concept, a relatively favorable situation in the regions, and especially in Moscow, was facilitated by a high degree of diversification of their economy, its innovative nature, high quality of human capital,

employment in the public sector and company headquarters, decisions taken in the pre-crisis period to support investors, the availability of budgetary resources for the implementation of anti-crisis policy; the differences between the regions that produce consumer goods and durable goods, which are traditional for crises, have emerged. Unlike previous crises, among the regions most affected in 2020 were those specializing in the extraction of fuel and energy resources due to a significant reduction in demand for them. Special attention is paid to the problems of Russian statistics: the lag of GRP data (the article uses data on personal income tax receipts by type of economic activity as an alternative), significant recalculation of data by Rosstat in the current crisis, the lack of accurate estimates of the volume of economic activity results attributed to Moscow.

Keywords: economic crisis, COVID-19, regional resilience, types of regions, major cities.

Постановка проблемы

Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 привела к новому экономическому кризису и в России, и в мире в целом. Причина этого кризиса оказалась совершенно уникальной для последних десятилетий – искусственные ограничения на ведение хозяйственной деятельности, вынужденно принимавшиеся ради предотвращения роста числа заболевших. Но привели ли эти ограничения к формированию столь же уникальных закономерностей пространственного развития страны, особенностей дифференциации разных типов регионов по динамике их социально-экономических показателей в кризис? Ответ на этот вопрос имеет важное значение для дальнейшего развития государственной политики пространственного развития: если последствия коронавирусного кризиса с точки зрения формирования территориальных диспропорций оказались вполне типичными для экономических кризисов (т.е. закономерности развития регионов в кризис слабо зависят от причин, такие кризисы порождающих), это дает возможность по меньшей мере предвидеть особенности пространственного развития при очередных (заведомо неизбежных) кризисных явлениях, быть готовыми к реализации антикризисной политики. Желательно еще и предпринимать шаги по повышению устойчивости разных типов территорий к экономическим кризисам. Второй, связанный с первым, вопрос – дает ли пандемия COVID-19 основания пересмотреть сложившуюся федеральную стратегию пространственного развития, особенно в части оценки потенциальной роли крупнейших городов и их агломераций как наиболее перспективных точек экономического роста?

Соответственно, в данной статье рассматриваются особенности социально-экономического развития российских регионов в 2020 г. с точки зрения уже накопленных знаний по закономерностям пространственного развития (причем не только в России, но и в других странах мира) в кризисные периоды.

Концепция региональной шокоустойчивости и основные закономерности пространственного развития в кризис

Интерес к осмыслению закономерностей дифференциации регионов по динамике их социально-экономического развития в кризисные периоды в научном сообществе (преимущественно зарубежном) резко возрос в связи с мировым кризисом 2009 г., который стал первым масштабным современным (т.е. происходившим при текущем уровне технологического развития) кризисом. За рубежом стала активно развиваться концепция региональной шокоустойчивости (regional resilience), суть которой изложена, например, в [Жихаревич и др., 2020; Martin, Sunley, 2015]. В наиболее простом виде оценка региональной шокоустойчивости предполагает анализ глубины экономического спада в регионах (или отсутствия такового) и времени возврата регионов на их докризисный уровень экономического развития (или, в худшем случае, отсутствия такого возврата).

В исследованиях по региональной шокоустойчивости наиболее интересны два сюжета: дифференциация разных типов территорий по динамике их развития в кризисные периоды

и факторы региональной шокоустойчивости. Концепция региональной шокоустойчивости продолжает развиваться, но к настоящему времени исследователи однозначно выделяют несколько факторов, которые способствуют большей устойчивости территорий к кризисным явлениям [Bristow, Healy, 2018; Cuadrado-Roura et al., 2016; Economic Crisis..., 2014; Martin et al., 2016; OECD..., 2011].

1. Высокая степень диверсификации экономики, наличие в структуре экономики разнообразных видов экономической деятельности, которые заведомо по-разному реагируют на кризисные явления (как правило, даже при наличии серьезных проблем в одном из секторов экономики в других секторах ситуация не оказывается далеко не столь критичной или даже благополучной, и в итоге региону удается удержаться по меньшей мере на средних показателях).

2. Динамичное, инновационное развитие экономики региона в докризисный период: как известно, кризисы имеют своего рода «санирующий» эффект, приводя к первоочередному закрытию устаревших производств. Напротив, новые предприятия имеют больше шансов на выживание в кризис, хотя бы в силу более высокой производительности труда, большей востребованности их продукции как современной.

3. С инновационной траекторией развития связан еще один фактор устойчивости регионов к кризисным явлениям – высокое качество человеческого капитала, способствующее более быстрому поиску путей выхода из кризиса, более активной трансформации сложившихся видов деятельности под новые требования времени.

4. Значение имеют и некоторые особенности занятости населения, влияющие на масштабы сокращения работников в острую фазу кризиса. Так, в острую фазу кризиса сокращение занятых в бюджетной сфере обычно меньше по сравнению с коммерческим сектором; занятость в штаб-квартирах компаний в целом более стабильна по сравнению с отдельными их предприятиями (последние могут как раз попадать в число устаревших производств). Более масштабным сокращениям подвергаются, конечно, занятые на временных контрактах (а не на постоянных).

5. Наконец, важно высокое качество управления в регионе: сформированный благоприятный предпринимательский климат позволяет местному бизнесу быстрее реализовывать программы развития, направленные на модернизацию, адаптацию к новым экономическим условиям. Не меньшее значение имеет и собственно антикризисная политика властей, в том числе меры по поддержке занятости. В свою очередь, масштабы и оперативность антикризисной политики в немалой степени зависят от выстроенной системы взаимоотношений между органами власти разных иерархических уровней, от скорости принятия ими необходимых в складывающихся условиях решений, от готовности вышестоящих властей оказывать финансовую поддержку нижестоящим бюджетам. Важно и наличие бюджетных резервов, которые можно направить на поддержку экономики и населения в острую фазу кризиса.

Что же касается специализации экономики регионов, то с точки зрения региональной шокоустойчивости это противоречивый фактор. Так, сфера услуг по сравнению с промышленностью считается более подверженной кризисным явлениям, однако гораздо быстрее адаптируется к новым условиям (коронавирусный кризис стал тому наглядным подтверждением: ограничения затронули в первую очередь услуги, но многие их виды смогли быстро перейти к использованию интернет-технологий). Специализация на производстве товаров длительного пользования является менее «выгодной» в кризис, поскольку спрос на такие товары сокращается гораздо больше по сравнению со спросом на товары первой необходимости (самым ярким примером является автопром). Однако производство товаров длительного пользования, как правило, более сложное, требующее более высокой квалификации трудовых ресурсов, более инновационной экономики, следовательно, регионы с такой специализацией обладают более высоким адаптационным потенциалом.

Такие различия в динамике производства товаров повседневного спроса и длительного пользования являются одним из объяснений того, что экономически более развитые регионы,

как правило, испытывают более сильный экономический спад по сравнению с экономически отсталыми, но быстрее выходят из кризиса: слаборазвитые регионы обычно специализируются на более простом производстве товаров повседневного спроса, где спад меньше, экономически развитые – на товарах длительного пользования, заметный спад производства которых в острую фазу кризиса сменяется довольно быстрым его восстановлением. При этом в экономически развитых регионах одновременно могут начинаться модернизационные процессы, спровоцированные кризисом, тогда как экономически отсталые сталкиваются с дефицитом ресурсов для этого: в силу низкого уровня развития внутренних ресурсов в таких регионах в принципе немного, а приток внешнего капитала после завершения острой фазы кризиса оказывается более ограниченным по сравнению с докризисным периодом. Частный капитал сосредотачивается в ключевых для себя регионах, с более высоким потенциалом развития, а масштабы поддержки проблемных территорий в рамках государственной региональной политики сокращаются из-за необходимости обеспечить сбалансированность бюджетной системы страны после падения ее доходов и роста расходов (на реализацию антикризисной политики) в острую фазу кризиса [OECD..., 2011].

Качество европейской статистики позволяет оценивать особенности развития в кризисный период разных типов территорий – различающихся по системе их расселения, географическому положению. Кризис 2009 г. показал, что крупнейшие города отличаются, как правило, высокой уязвимостью к кризисным явлениям (кризис 2009 г., как и текущий коронавирусный, начался с крупнейших городов, хотя и по другой причине – проблемам на рынке недвижимости), но быстро восстанавливаются. Наиболее устойчивыми являются так называемые вторые города. Самая сложная ситуация складывается в удаленных от ведущих экономических центров периферийных районах, в основном сельских [Capello et al., 2015; Economic Crisis..., 2014].

Социально-экономическое развитие российских регионов в 2020 г. с позиций концепции региональной шокоустойчивости

Обращаясь к вопросам дифференциации разных типов территорий по влиянию на них коронавирусного кризиса, особенно в первые его месяцы, широкий круг экспертов прежде всего обращал внимание на наибольший удар кризиса по крупнейшим городам. Действительно, распространение новой болезни началось именно с Москвы и других крупнейших городов как наиболее открытых международным контактам, именно города в наибольшей степени должны были быть затронуты вводимыми ограничениями на ведение хозяйственной деятельности (связанными преимущественно с сектором услуг, доля которого в структуре экономики выше в городах).

Вопрос об особенностях развития крупнейших городов в кризис для России имеет особое значение, поскольку в последние годы в идущих в научном и экспертном сообществе дискуссиях о перспективах пространственного развития страны очень много говорилось о крупнейших городах и их агломерациях как наиболее перспективных центрах экономического роста. Следовательно, один из ключевых вопросов в анализе социально-экономического развития российских регионов в 2020 г. – действительно ли крупнейшие города оказались самыми пострадавшими в результате пандемии, или же ситуация на самом деле иная? Попытки дать ответ на этот вопрос заставляют, для начала, говорить о недостатках российской статистики и сложностях интерпретации имеющихся статистических данных (в отношении России в целом эта проблема была поднята в [Широв, 2021]).

К сожалению, в России сохраняется очень серьезный дефицит статистических данных по городам. Муниципальная статистика включает в себя очень скудный набор данных, причем основной проблемой является отсутствие данных по малым предприятиям (а именно малый бизнес, как работающий преимущественно в сфере услуг, в значительной степени был затронут коронавирусным кризисом). Данные по крупнейшим городам фактически есть только по Москве и Санкт-Петербургу как субъектам РФ (городам федерального значения), и именно ими мы вынуждены ограничить свой анализ.

Даже в разрезе субъектов РФ проблемой является сильное запаздывание публикации ключевого экономического показателя – валового регионального продукта (ВРП). ВРП за 2020 г. появится не раньше первых месяцев 2022 г., поэтому для оперативных оценок приходится использовать доступные показатели по ограниченному набору отдельных секторов экономики (преимущественно реального сектора, который вынужденные ограничения на ведение деятельности затронули меньше, чем сферу услуг) и искать альтернативные ВРП показатели, позволяющие оценить ситуацию по всему кругу видов экономической деятельности. Мы предлагаем использовать поступления по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ), поскольку заработная плата – одна из важнейших составляющих ВРП, а данные налоговой отчетности являются максимально оперативными и, похоже, точными.

Вопрос о точности данных возникает в связи с тем, что еще одной проблемой является пересчет Росстатом данных. Такой пересчет является привычным явлением, но прежде в его результате общая картина динамики социально-экономической ситуации в регионах не менялась. Данные за 2020 г., опубликованные в начале 2021 г. и в течение последующих месяцев года, разнятся кардинальным образом. Так, например, в начале 2021 г. Росстат показывал меньшее падение оборота общественного питания в Москве по сравнению со средним по регионам и по Санкт-Петербургу (84,1% против 79,3 и 69,5% соответственно), тогда как на начало ноября 2021 г. картина была совершенно иной (табл. 1), ситуация в Москве оказалась, наоборот, относительно неблагоприятной. Зато в сторону повышения был пересмотрен индекс промышленного производства в столице: если в начале 2021 г. были опубликованы данные в 105–106% как по промышленности в целом, так и по обрабатывающим производствам, то потом индексы были повышены до более чем 110%. При этом в целом по России публиковавшиеся в течение года показатели менялись только на десятые доли процентного пункта. Колоссальному пересмотру подверглись данные по индексу производства пищевых продуктов в Москве – показатель был увеличен со 139,1 до 308,7%.

Подобного рода картина косвенно свидетельствует о еще одной проблеме, более фундаментальной и не связанной с коронавирусом кризисом, – понимании того, что реально представляет из себя экономика Москвы. Принято считать, что Москве приписывается немалый объем результатов экономической деятельности, которые на самом деле к столице не имеют никакого отношения. В определенной степени это так, свидетельством чему может являться завышенная доля Москвы в общероссийском экспорте, гораздо большая доля торговли (оптовой и розничной) в ВРП по сравнению с НДФЛ (табл. 2); в целом по стране такой разрыв тоже существует в силу значимости в этом секторе экономики малого бизнеса, в статистике по НДФЛ не учитываемого в силу наличия для него специальных налоговых режимов. Вместе с тем, доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП Москвы вообще отсутствует, а в структуре поступлений НДФЛ составляет только 1,1%. Но это заставляет говорить о еще одной стороне проблемы – соотношении значимости в экономике Москвы реально расположенных на ее территории производств и штаб-квартир производственных компаний. Насколько оправдана концентрация в Москве как столице штаб-квартир, нужны ли и возможны ли какие-то действия по снижению этой концентрации – вопросы для отдельного исследования. С точки зрения региональной шокоустойчивости наличие штаб-квартир компаний – это наличие относительно стабильных рабочих мест. Непосредственно в коронавирусный кризис доминирование офисной деятельности оказалось дополнительным преимуществом, поскольку офисные сотрудники легче всего переводились на дистанционный формат работы.

Сколько-нибудь точные оценки масштабов приписываемых Москве результатов экономической деятельности, соотношения штаб-квартир компаний и реального производства вряд ли возможны. Но очевидно, что работающие именно на территории Москвы промышленные предприятия существуют, по оценке московских властей [Московская промышленность..., 2021], в столице насчитывается свыше 700 крупных и средних предприятий. Мно-

гие такие предприятия и их продукция известны: нефтеперерабатывающий завод «Газпром-нефти», автосорочное предприятия «Рено», уже упомянутые производства продуктов питания и лекарств, множество предприятий оборонно-промышленного комплекса. Повторим, что какая-то часть московской промышленности может представлять из себя лишь штаб-квартиры компаний с заводами, работающими за пределами Москвы, однако вряд ли поддержка со стороны московских властей распространяется на мифические проекты. А разного рода льготы для инвесторов предоставляются в настоящее время 120 московским компаниям, среди которых 58 промышленных комплексов, 36 технопарков, 15 якорных резидентов, 14 инвестиционных приоритетных проектов [Московская промышленность..., 2021].

Если обратиться непосредственно к результатам социально-экономического развития регионов в 2020 г. (см. табл. 1), очевидно, что Москва и Санкт-Петербург оказались в далеко не худшем положении. Сокращение оборота общественного питания, платных услуг населению в двух крупнейших городах, как и следовало ожидать, было более масштабным по сравнению со средним по регионам, однако показатели реальных денежных доходов населения (которые можно считать ключевым показателем благополучия населения в целом) в Москве и Санкт-Петербурге оказались лучше среднероссийских.

Подобное относительно благоприятное в целом положение Москвы и Санкт-Петербурга вполне можно объяснить с помощью названных выше факторов региональной шокоустойчивости. Прежде всего, доля затронутых коронавирусными ограничениями секторов в экономике крупнейших городов невелика (см. табл. 2), зато значима доля услуг и производств, оказавшихся востребованными в условиях 2020 г., в том числе сектора информационно-коммуникационных технологий. Иначе говоря, в полной мере проявился фактор высокой степени диверсификации структуры экономики территорий.

Высокий уровень пользования интернетом (отражающий и инновационность экономики, и качество человеческого капитала) позволил активно развивать удаленную занятость и новые форматы деятельности, прежде всего в розничной торговле.

Инновационность экономики проявилась, в частности, в том, что в Москве и Санкт-Петербурге возник ряд новых фармацевтических производств (см. табл. 1), причем на площадках созданных задолго до начала коронавирусного кризиса технико-внедренческих особых экономических зон (фактор благоприятного инвестиционного климата). Очевидно, что как минимум у Москвы было немало резервов для реализации активной антикризисной политики.

Таблица 1

**Динамика социально-экономических показателей (2020 г. в % к 2019 г.)
в Москве и Санкт-Петербурге в сравнении со средней по субъектам РФ**

Показатели	Среднее по РФ	Москва	Санкт-Петербург
Реальные денежные доходы населения	97,4	98,0	99,4
Оборот розничной торговли (в сопоставимых ценах)	96,8	98,1	98,8
– пищевыми продуктами	98,4	98,0	104,7
– непродовольственными товарами	95,4	98,2	95,8
Оборот общественного питания (в сопоставимых ценах)	77,4	70,1	71,5
Объем платных услуг населению (в сопоставимых ценах)	85,2	76,7	82,2
Индексы производства:			
– промышленность (всего)	97,9	112,2	98,4
– обрабатывающие производства	101,4	116,4	99,3
– производство пищевых продуктов	103,1	308,7	104,8
– производство лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов	121,9	171,7	113,9
– строительство	100,1	108,3	90,7

Источник: Составлено автором по данным Росстата.

Таблица 2

**Структура экономики Москвы и Санкт-Петербурга в сравнении со средней по субъектам РФ
и динамика налога на доходы физических лиц, %**

Раздел ОКВЭД	Среднее по РФ			Москва			Санкт-Петербург		
	Структура 2019		НДФЛ 2020 к 2019	Структура 2019		НДФЛ 2020 к 2019	Структура 2019		НДФЛ 2020 к 2019
	ВРП	НДФЛ		ВРП	НДФЛ		ВРП	НДФЛ	
Всего	100	100	107,4	100	100	111,3	100	100	108,8
Сельское хозяйство	4,1	2,4	112,7	0,1	0,1	102,6	0,1	0,2	129,3
Добыча полезных ископаемых	13,5	4,2	108,9	0,0	1,1	110,1	0,3	0,4	114,3
Обрабатывающие производства	16,8	13,5	106,4	15,7	6,1	108,4	13,9	13,4	108,7
Обеспечение электроэнергией	2,9	2,9	105,3	2,7	1,2	105,9	2,1	1,5	109,4
Водоснабжение	0,6	0,7	108,2	0,4	0,4	111,7	0,9	0,6	105,4
Строительство	5,4	5,0	105,0	4,0	4,5	105,6	3,1	5,4	110,5
Торговля	14,2	12,3	111,0	26,1	14,7	113,2	15,3	16,6	110,2
Транспортировка и хранение	7,3	7,6	107,5	6,7	5,0	109,9	10,4	7,4	106,9
Гостиницы и предприятия общепита	1,0	1,1	100,6	0,8	1,0	93,7	1,3	1,5	91,3
Информация и связь	3,0	4,3	118,6	6,6	8,3	119,9	5,8	7,1	129,4
Финансы и страхование	0,5	6,8	116,7	1,3	15,0	125,0	0,5	5,8	126,3
Операции с недвижимым имуществом	10,0	3,0	106,0	11,7	3,7	102,2	17,8	4,4	121,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,3	8,1	113,8	8,5	13,5	121,4	7,8	11,5	110,1
Административная деятельность	2,3	2,0	106,0	3,2	2,5	97,8	3,8	2,7	107,8
Госуправление	5,6	10,5	114,2	5,1	6,0	112,4	5,2	4,4	111,4
Образование	3,0	7,5	105,4	2,1	4,9	104,9	3,7	8,3	105,6
Здравоохранение и социальные услуги	4,0	7,0	107,3	3,0	4,5	111,2	5,8	6,4	106,7
Культура, спорт, организация досуга и развлечений	1,0	1,8	101,6	1,3	1,9	102,9	1,5	2,4	97,2
Прочие виды услуг	0,5	0,6	103,2	0,7	0,9	110,3	0,7	0,7	96,0

Источник: Составлено автором по данным Росстата и Федеральной налоговой службы.

Доля бюджетного сектора в Москве и Санкт-Петербурге примерно соответствует средне-российской, хотя нельзя отрицать его вклад в обеспечение стабильности ситуации. В обоих городах, особенно в Москве, есть штаб-квартиры крупных компаний.

Относительно неблагоприятная ситуация в обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга связана с его специализацией на автопроме, где, что тоже типично для всех кризисов, был значимый спад производства.

В целом по регионам в 2020 г. проявилась известная закономерность их развития, причем свойственная не только кризисным периодам: динамика показателей по регионам является в значительной степени так называемой региональной проекцией отраслевой динамики, что мы уже подробно показали в [Кузнецова, Бабкин, 2021]. Не утратили в кризис 2020 г. своего значения и традиционные факторы дифференциации российских регионов по динамике их развития, такие как емкость потребительского рынка и природно-климатические условия. Как и в прежние годы, в относительно неблагоприятной ситуации оказались северные и восточные регионы (табл. 3). Максимальный спад в обрабатывающей промышленности был в одном из самых проблемных российских макрорегионов – на Дальнем Востоке (его положение в 2020 г. подробно рассмотрено в [Минакир, 2020]).

В итоге динамика промышленного производства в разрезе федеральных округов (ФО) определялась преимущественно сочетанием отраслевой специализации и емкости рынка сбыта. В лидерах оказались, во-первых, Центральный ФО благодаря масштабам рынка и

Таблица 3

Индексы производства по федеральным округам, 2020 г. в % к 2019 г.

Федеральный округ	Сельское хозяйство	Промышленность всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Строительство
Среднее по РФ	104,3	97,9	93,4	101,4	100,1
Центральный	107,0	109,0	101,6	111,7	110,8
Северо-Западный	105,7	97,4	91,6	99,7	89,8
Южный	107,7	98,8	94,6	100,2	95,2
Северо-Кавказский	101,3	108,4	88,7	109,0	104,7
Приволжский	104,5	97,9	93,2	100,6	93,8
Уральский	100,5	98,7	94,9	107,1	111,0
Сибирский	99,6	95,9	91,2	98,6	90,7
Дальневосточный	92,4	96,0	96,5	91,9	91,4

Источник: Составлено автором по данным Росстата.

незначительной роли наиболее пострадавших в кризис отраслей, а в 2020 г., наряду с автопромом, это добыча топливно-энергетических ресурсов. Во-вторых, Северо-Кавказский ФО, специализирующийся на производстве товаров повседневного спроса – продукции агропромышленного комплекса.

Выводы

Таким образом, основной вывод из приведенного выше анализа и ответ на поставленный в самом начале вопрос – закономерности пространственного развития в коронавирусный кризис оказались вполне типичными для всех экономических кризисов. Основная специфика кризиса 2020 г. в России – набор наиболее пострадавших в острую фазу кризиса отраслей (отдельные виды услуг в силу введенных ограничений и более глубокий, по сравнению с предшествующими кризисами, спад в добыче топливно-энергетических ресурсов). Однако, как мы говорили, специализация регионов и не считается однозначным фактором их шокоустойчивости, хотя, как и в предшествующие кризисы, проявились традиционные различия в динамике производства товаров повседневного спроса и длительного пользования. В соответствии со сложившимися в рамках концепции региональной шокоустойчивости представлениями, формированию относительно благоприятной ситуации в регионах способствовала высокая степень диверсификации их экономики, ее инновационный характер, высокое качество человеческого капитала, занятость в бюджетном секторе и штаб-квартирах компаний, принятые в докризисный период решения по поддержке инвесторов, наличие бюджетных ресурсов для реализации антикризисной политики. Проведенные ранее исследования [Михеева, 2021] также показали, что устойчивость регионов не зависит от характера кризиса (анализировались кризисы 2009 и 2015 гг.). Поэтому вполне справедливо говорить о том, что государственная экономическая политика может и должна быть нацелена в том числе на управление региональной шокоустойчивостью (существующий опыт в этой сфере рассмотрен в [Жихаревич и др., 2020]).

Сохранение в условиях коронавирусного кризиса относительно благоприятной (по отношению к среднему по российским регионам) социально-экономической ситуации в крупнейших российских городах – Москве и Санкт-Петербурге – заставляет говорить о том, что их лидирующие позиции сохраняются. Как мы уже показывали ранее [Кузнецова, 2021], спровоцированное пандемией COVID-19 развитие удаленной занятости не только не даст стимула для развития периферийных территорий, но, напротив, может еще больше усилить концентрацию населения и экономической активности в столичной агломерации (ради обеспечения передачи неявного знания будет доминировать не полностью удаленная, а комбинированная занятость, что позволит еще больше расширить границы московской агломерации).

А это означает, что перед федеральными органами власти по-прежнему стоит задача создания условий для экономического развития других территорий, формирования более децентрализованной пространственной структуры экономики страны.

Литература

1. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. – 2020. – № 3. – С. 4–15.
2. Кузнецова О.В. Пространственное развитие в постковидный период: новые вызовы или старые проблемы // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2021. – № 3. – С. 226–232.
3. Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г. // Федерализм. – 2021. – № 3. – С. 5–28.
4. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 7–22.
5. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 1. – С. 116–118.
6. Московская промышленность // Официальный сайт мэра Москвы. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/promday> (дата обращения 01.11.2021).
7. Широков А.А. Пандемический кризис как вызов экономическому анализу и политике // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 3. – С. 6–17.
8. Bristow G., Healy A. Innovation and regional economic resilience: An exploratory analysis // The Annals of Regional Science. – 2018. – Vol. 60. – No. 5. – P. 265–284.
9. Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Spatial heterogeneity in the costs of the economic crisis in Europe: Are cities sources of regional resilience? // Journal of Economic Geography. – 2015. – Vol. 15. – No. 5. – P. 951–972.
10. Cuadrado-Roura J.R., Maroto A. Unbalanced regional resilience to the economic crisis in Spain: A tale of specialisation and productivity // Cambridge Journal of Regions. Economy and Society. – 2016. – Vol. 9. – No. 1. – P. 153–178.
11. Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report. – ESPON & Cardiff University, 2014. – 280 p.
12. Martin R., Sunley P. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation // Journal of Economic Geography. – 2015. – Vol. 15. – No. 1. – P. 1–42.
13. Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. How regions react to recessions: resilience and the role of economic structure // Regional Studies. – 2016. – Vol. 50. – No. 4. – P. 561–585.
14. OECD Regional Outlook 2011: Building Resilient Regions for Stronger Economies. – Paris: OECD Publishing, 2011. – 296 p.